

Два юбилея

10-го сентября (нов. ст.) исполнилось столетие со дня рождения «великого писателя земли русской» Льва Николаевича Толстого, и 1-ноября исполняется также сто лет со дня рождения великого молитвенника русской земли, автора неопределимого по богатству духовного содержания дневника «Моя жизнь во Христе», кронштадтского протоиерея о. Иоанна. Мне хочется сказать несколько слов об этих двух замечательных людях, столь противоположных по своему внутреннему содержанию. О. Иоанн Кронштадтский при своей жизни (он умер двумя годами раньше Толстого), вел постоянную борьбу с Толстым. В своих проповедях он часто называл его «львом, рыкающим на Церковь» (1 Петр. 5, 8). Св. Синод за 10 лет до кончины Толстого отлучил его от Церкви. Это было правильно и заслуженно. Только при нашем безразличии к Христианству и Православию можно было негодовать на Св. Синод за то, что он признал не принадлежащим к Церкви писателя, который открыто и сознательно, в самых кощунственных выражениях, отвергал и высмеивал все догматы Христианства: троичность Божества, Богочеловечность Иисуса Христа, все чудесные события Его жизни, от Рождества до Воскресения и Вознесения, благодатные действия Св. Духа, св. Таинства, Церковь, всю глубочайшую, мистическую сторону Христианства и видел существенное содержание Христианства в пяти правилах поведения, обеспечивающих, по его словам, людям их земное счастье.

Но вполне признавая всю справедливость отношения к Толстому и о. Иоанна Кронштадтского и Св. Синода, мы все же не можем, с другой стороны, не любить горячо Толстого и не чувствовать к нему глубокой благодарности за все то, что он внес в нашу духовную жизнь, что он сделал для нашего духовного роста. И в этом различии оценок нет никакого противоречия, так как мы можем подходить к Толстому и оценивать его с разных сторон нашей духовной жизни. И не только своими художественными произведениями, психологическим богатством и красотой

«Детства и Отрочества», «Войны и мира» и «Анна Карениной», Толстой заслужил нашу благодарную любовь, но еще в большей, может быть, степени, он заслужил своими произведениями второго периода своей жизни, «Исповедью», «Так, что же нам делать?», «В чем моя вера», «Смерть Ивана Ильича», «Крейцера Соната», народными рассказами, в которых он раскрыл весь мучительный надрыв своей собственной души, всю свою жажду нравственной правды, добра и красоты. Толстой нам дорог, как бесстрашный и беспощадный обличитель нашей собственной внутренней, нравственной несостоятельности и нашего внутреннего бессилия. В этом именно заключалась сила и средоточие его огромного влияния на студенческую молодежь конца 80-х и начала 90-х годов. Не наставлениями, а художественным анализом своей собственной души, он показывал молодежи невозможность жить идеями материализма, социализма и политики, жить с душою, разъеденною безверием и развратом. Эта «исповедь» глубоко трогала и волновала молодые души, заставляла их обращаться от внешних интересов к самим себе, призывала к нравственному обновлению, к отказу от нездоровых форм культурной жизни, к простоте жизни. Неправота Толстого заключалась в том, что он не сумел свою проповедь осветить истинным смыслом Христианства, подойти смиренно и с любовью ко Христу и Церкви, как это сделал Достоевский, и вместо простоты христианского мирозерцания предложил своим последователям свои туманные, отвлеченные понятия «о смысле жизни». Всю свою жизнь он томился неправдою своей личной жизни, а между тем эта неправда и имела в своей основе отчужденность от Христа и от Церкви. Только в последние дни своей жизни он, как будто, почувствовал это, и его бегство не куда-либо в другое место, а именно в Оптину Пустынь, к оптинским старцам и сестре-монахине в Шамордино, показывает, что он чутьем своего сердца понял, чего ему недостает, и где ему нужно искать спасения от самого себя.

Таким образом, значение Толстого в духовной жизни русской интеллигенции конца 80-х и начала 90-х годов определяется, главным

образом, обличением неправды современной культурной жизни, как личной, так и общественной, и его призывом к покаянию и нравственному обновлению. Выше этого он не мог подняться, не мог подняться до понимания положительного содержания Христианства и церковности. Он жил, как бы, еще в Ветхом Завете, как бы, еще на грани Нового Завета, еще только подготавливая русскую молодежь к принятию Евангелию во всей его чистоте и полноте.

И вот, как бы, в восполнение односторонности и скудости толстовского понимания Христианства, и в предостережение от увлечения этим пониманием, суждено было выступить со своими произведениями Достоевскому и раскрыть русскому обществу другое, глубокопроникновенное и глубокосоответствующее вековому опыту русской души понимание Христа и Православия; а с другой стороны, нужно было появиться и о. Иоанну Кронштадтскому, уже не на словах только, отвлеченно, а самым делом, реально показавшему пример деятельной жизни, глубоко проникнутой духом Христовым. О. Иоанн был прямой противоположностью Толстому. Выросший в бедности, в семье причетника одного из погостов Архангельской губернии, он никогда не знал того отрицательного разлада тех сомнений, той борьбы между верой и неверием, которыми в конце жизни мучился Толстой. О. Иоанн с детства горел чистой, свободной от всяких сомнений, невозмутимой истинной верою и любовью к Богу и отдал Богу свою жизнь свободным, естественным стремлением своего сердца. В то время, как Толстой беспомощно мучился над вопросом — «можно ли молиться Богу, не веруя в Него и веровать в Бога, не молясь Ему», вся жизнь отца Иоанна была постоянною, вдохновенною молитвою к Богу. В то время, как Толстой мучительно задавал себе и другой вопрос: «так что же нам делать?», о. Иоанн, не ставя себе подобного вопроса, всю жизнь отдал деятельной любви и милосердию, не имел ни одного дня, ни одного часа, посвященных самому себе. В то время, как Толстой, с болью в душе, с громадным насилием над собою, принимал таинства Церкви, на которые

смотрел, как на нелепое колдовство, о. Иоанн не мог прожить ни одного дня, не причастившись Животворящих Тайн Тела и Крови Христовых, Толстой постоянно искал внутреннего мира и отрады, и не находил их. О. Иоанн не искал их, ибо постоянно имел их в себе, так как постоянно был полон глубокой веры и горячей любви.

Но в одном между о. Иоанном и Толстым существовало поразительное сходство, в котором, может быть, обнаружилась их русская душа. Оба они не делали различия между людьми по их национальностям и вероисповеданиям. Толстой, в особенности в последние годы своей жизни, имел общение с обитателями почти всех концов земного шара, а отец Иоанн отдавал всю свою любовь и свои молитвы всем, кто только просил их у него, был ли то русский и православный, или татарин и магометанин, или еврей, или француз, или американец. Его «Моя жизнь во Христе» переведена на многие европейские языки. Теоретическая широта сердца Толстого совпала с реальной любвеобильностью о. Иоанна. Но в те годы, когда они жили, Толстой был неизмеримо понятнее для большинства русской интеллигенции и молодежи, нежели о. Иоанн. О. Иоанн, со своей цельюю верою стоял на такой высоте, которая была ей чужда и недоступна. С Толстым она переживала одни и те же надрывы и тоску сомнений и самобичевания. Но вот со времени кончины того и другого прошло около 20-ти лет. Русское общество, если и не научилось жить жизнью о. Иоанна, не выросло до его пламенной и непоколебимой веры, однако, уже научилось понимать правду его духовного пути. Вместе с тем, оно не отвернулось и от Толстого, с которым связано слишком глубокими и мучительными общими переживаниями. Оно должно было пройти через Толстого, чтобы подойти к Достоевскому и понять правду о. Иоанна Кронштадтского. Ныне оно уже совершило или совершает этот путь, и в осознании этого пути и его значения для духовной жизни русского общества, заключается глубочайший внутренний смысл юбилеев Толстого и о. Иоанна Кронштадтского.

Прот. С. Четвериков

Бретань, Франция